

Елена Новикова

Золотая крыса

Елена Новикова

Золотая крыса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29411989

ISBN 9785449032836

Аннотация

Порой нам кажется, что реальность и чудо далеки друг от друга, как две звезды на противоположных концах Млечного Пути. Но так ли это? Убийца спасает ребёнка («Волшебная палочка»), умерший пёс возвращается («Прости...»), жена ищет мужу любовницу («Рокировка»), пьяный и алчный дед Мороз жертвует жизнью ради спасения больной девочки («Усы деда Мороза»), слепой щенок делает счастливыми четырёх одиноких людей («Год Собаки»).

Содержание

Рассказы	5
Прости...	5
Волшебная палочка	39
Правда жизни	48
Клятвопреступники	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Золотая крыса

Елена Новикова

Иллюстратор Наталья Рыжкина

© Елена Новикова, 2018

© Наталья Рыжкина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3283-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Прости...

Сотовый зазвонил не вовремя. Есть такие моменты, когда не обрадует даже звонок самого Всевышнего. Это час, когда хоронишь близких. А я как раз опускала в могилу своего любимого Борьку-Бородавчика – эрдель-терьера с огромной пушистой бородавкой над левой бровью.

– Простите, я не могу сейчас говорить!

– Умоляю!...

Я отключила телефон. Я держала голову Борьки, а мой приятель Жора – ноги. Вернее, все остальное. При жизни Бородавчик был легок и летуч, как теннисный шарик. А умер – и словно вобрал в себя плюс к своему своему собственному вес теннисных ракеток, сетки и стола. Одна бы я не справилась.

Телефон зазвонил снова.

– Я не могу...

– Умоляю, Лу, перезвони в течение часа! Спаси меня!

Короткие гудки. Есть же люди... Ничего святого. Знает ведь, где я и зачем. Лучшая подруга называется. Вместо того чтобы быть рядом...

Через час я позвонила. Куда деваться? Ведь и я – ее луч-

шая подруга.

На самом деле меня зовут Астрид. Так захотел отец. А мама настояла на втором имени – Людмила. Во всех документах я Астрид Л. Луцке, а зовут меня все – и друзья, и мама, и даже отец – исключительно Лу. Лу так Лу. Мне даже нравится. Правда, Софьины близнецы зовут меня тетей Люсей, но это разрешено только им.

Честно говоря, звонить Соньке мне не хотелось. Знаю я ее «Спаси!!!» Проездной не может найти или с близнецами посидеть некому... Я любимейшего друга похоронила, верного и ласкового, а у нее утюг сгорел. Или дверь захлопнулась. И не она ко мне придет утешать – а я к ней потащусь. С утюгом или миксером. Которые, кстати, потом назад год не допросишься.

Но с другой стороны: у меня есть выбор? Нет. Ну так и не о чем говорить...

...То, зачем она меня оторвала от прощания с Главным Существом моей жизни, было верхом бесстыдства.

Когда я подходила к ее дому, мне было интересно, сумеет ли эта коза сыграть роль глубоко сочувствующей родственницы (она и в самом деле чуть-чуть моя родственница: вторая жена моего бывшего мужа. Я была третьей. О муже уже и помина нет, а мы с ней дружим. Если это можно назвать дружбой).

Я даже злорадствовала в душе. Ну-ну, покажи свою преданность, сыграй безутешность. Собак она терпеть не могла, а с моим Бородавчиком у них была полная идиосинкразия. На дух друг друга не переносили.

Но если кто-то кого-то не любит, он ведь, если, конечно, человек интеллигентный, – не станет хлопать в ладоши и кричать скорбящим родственникам: «Ур-ра! Слава Небесам, дождались! Избавились! Чтоб там его любили больше, чем тут...» Он состроит соответствующее лицо, произнесет соответствующие слова. Но это, разумеется, если речь идет об интеллигенте. Сонька была так занята своими проблемами, что не удосужилась хотя бы вздохнуть сочувственно, потрепав меня дружеской рукой по ссутулившейся от горя спине.

– У тебя вечером как? Мне позарез нужна помощь! – Она чиркнула себя пальцем по горлу, – и я с ужасом заметила на ее шее тонкий кровавый след. – Ч-черт. Лак не высох. – Она бросилась за ацетоном. – Так как? Прости, тебе, наверное, сейчас не до этого, но обстоятельства требуют. Да и отвлечешься... Что толку сиднем сидеть и слезы лить? Я тебе завтра нового притащу. Маленького. Беленького. И с характером – получше!

– Я Бородавчика люблю! Большого, рыжего и доброго. Злым он почему-то становился лишь с тобой.

– Дурной, дурной был пес. Ну, да, пусть земля ему будет пухом. Садись. И перестань сырость разводить. У тебя сего-

дня есть дела поважнее.

– Мои дела сегодня – разводить сырость, – жестко сказала я. – А ты, оказывается, совсем бездушная. Не зря тебя Вениамин оставил.

– Ты, душевная наша, около него тоже не задержалась.

– Это я его выгнала.

– Веньку не выгонишь. Его, как таракана, изводить нужно.

Что он у тебя вчера делал? Денежку стрелял?

– Нет. Борща захотел.

– А с Борькой помог сегодня?

– У него лекция.

– У него всегда лекция, когда кому-то помощь требуется.

– А у тебя что он делал в воскресенье? – мстительно спросила я.

– Пирог ел. Да я и – ты же знаешь! – не скрываю.

– И тем не менее сегодня вечером тебе нужна моя помощь! Именно моя, а не его.

– Смеешься? Какой из него актер? – Софья пренебрежительно махнула рукой и скривилась.

– Может, хочешь сказать, что я должна буду вечером, – именно сегодня – петь и плясать?

– Не сердись, Лу. Кстати, не так уж и плохо я к твоему Борьке...

– ...Бородавчику!

– ...Бородавчику относилась. Уж, во всяком случае, лучше, чем... сама знаешь к кому.

– Не лебези.

– Я и не лебежу. Не лебезю. Не собиралась лебезить, – вывернулась она. – Просто по сравнению с...

– Хватит!

– Вот видишь. В общем... я такого понатворила, что теперь не представляю, как выкрутиться. Вся надежда на тебя, Лушенька, – она смотрела себе под ноги, и это не предвещало ничего хорошего. – Я, как всегда, все перепутала. Вечером улетаем, а я клоуна для детей пригласила. Четыре года собиралась, а в этом году – юбилей все-таки, 5 лет! – позвала. Месяц назад я не знала еще, что мой новый благоверный согласится спонсировать поездку всего семейства за кордон. Ну вот... – она упорно смотрела под ноги, – придет через три часа, а нас – тю-тю... Сто евро – псу под хвост... Ой, прости! – она зажала рот ладонью.

– Прекрати. Может, теперь охать будешь, если ляпнешь при мне, что замерзла, как собака. Или проголодалась...

– Еще... устала, как... – не унимала Софья.

– Спасибо. Только вот я-то тут при чем? Лететь вместо вас в Хорватию у меня нет ни сил, ни желания.

– Ну уж нет, в Хорватию мы как-нибудь сами слетаем, – хмыкнула моя лучшая полруга. – А ты пока... с клоуном.

– Что «с клоуном»? – Я постучала пальцем по лбу. – Предлагаешь сказать, что мне пять лет? Так не поверит, если не идиот.

– Пока не заговоришь, не поверит, но потом... И вооб-

ще... Ишь ты, самокритичная наша. Скажи, что тебе тридцать пять. Да ты и на тридцать выглядишь вполне.

– Тысяча благодарностей! Мне – двадцать восемь.

– Уй... Всегда забываю, что я – старшая жена Веньки.

А ты – младшая.

– Уже средняя. Отмени ты его, к лешему. Клоуна.

– Не могу, – захныкала Софья. – Во-первых, поздно.

А во-вторых... Это мой приятель. Он артист, подрабатывает на детских праздниках. Они сейчас в такой дыре... После ограбления. Да я тебе рассказывала. Мне бы не хотелось лишать его заработка.

– Ну так пригласи его через две недели, когда вернетесь.

– Это уже глупо. Цветы будешь поливать?

– А ты кормила Бородавчика, когда я должна была уехать?

Такого парня из-за тебя чуть не проворонила...

– Ну и где он сейчас? А Венька, между прочим, прекрасно

тогда справился.

– Более чем. После возвращения я обнаружила массу премилых дамских штучек. В том числе и вибратор. Умрешь над ними: водить баб – и пользоваться вибратором.

– Ты попробовала? – она оживилась.

– Чужой? После Бог знает кого? Ну уж нет, – поморщилась я.

– Значит, договорились? – опять поскутнела она.

– Давай ключи. Позабочусь о твоих геранях.

– Это само собой. А с клоуном как? Ты нас выручишь?

Пусть человек заработает. Скажи, что у тебя юбилей, тебе одиноко – вот ты и решила... Платишь деньги – значит имеешь право. Ему, думаю, все равно. Может, так даже лучше. Дети орут, капризничают, ссорятся. А ты – благодарный зритель.

– Особенно сегодня.

– Именно сегодня. Посидите, поболтаете. Он тебя рассмешит, отвлечет. Утешит... А что? Вдвоем, в пустой квартире... А?

Софья подмигнула мне весьма недвусмысленно. В нее немедленно полетела моя сумочка.

– Можешь ты понять или нет, манекен ты бессердечный, что мне сегодня никто не нужен? Я испорчу человеку вечер – и все. Зачем? Не слишком ли дешево он продаст свое хорошее настроение?

– Сто пятьдесят евро компенсирует ему это с лихвой. – Она вытащила еще одну купюру и добавила к прежней сумме. – Раз уж ты так о нем печешься... Между прочим, Лу, он – высокий сероглазый шатен. И волосы у него выются! И брови домиком. Все как ты любишь...

– Ты отлично знаешь, что я терпеть не могу светлых глаз. А от кудрявых мужчин меня вообще тошнит. Это для тебя не открытие.

– Да-да. – Она слегка смутилась. Это Викоша западает... Ну, это и не важно. У клоунов все равно все накладное. Брови, губы, волосы, нос... Даже слезы.

– Ничего. С этим проблем не будет. Моих на пятерых хватит.

– Он не даст тебе плакать. Это классный клоун! У меня всю ночь живот чесался после дня рождения соседского Митюни. От хохота!

– А... может, мыться иногда нужно, ежик?

– О, ожила! Вот тебе ключи. Живи у нас. Тебе как раз полезно сменить обстановку. – Она поцеловала меня в висок.

– С цветами помогу. А насчет клоуна...

– Брось париться! Полчаса посидите за столом – и разбегитесь. Накорми его. Коньячку налей. И о себе не забудь. Все, что в холодильнике – в вашем распоряжении.

– Скажи, только честно, Софья, это – хитрый способ сводничества? Он, конечно, не клоун, а твой коллега, унылый программист. А?

– Лечиться не пробовала? – Она красноречиво покрутила пальцем у виска. – Он такие штуки выкидывает, которым в цирковом училище три или четыре года учатся. Сама увидишь!

– О господи. Единственная надежда, что он не придет. Забудет. Проспит. Заболеет...

– Ему деньги позарез нужны! С бубонной чумой приползет.

– Этого только мне не хватало. Кстати, чтоб никаких фокусов с участием собачек и кошечек! Лучше пусть сидит сычом. Поняла?

– Будет исполнено! Больше тебя не держу. Но к семи – как штык будь готова. Мы тебя подвезем – и в аэропорт. Чао!

Она довольно нагло подтолкнула меня к двери. Бедный Бородавчик! Он точно укусил бы ее сейчас за ногу. И был бы, как всегда, прав.

Домой я вернулась в полтретьего. Времени у меня оставалось всего ничего: два часа плакать, час лежать в ванне, время от времени пуская слезу (уж слишком яркими были недавние воспоминания о том, как в начале купания Бородавчик уносил из ванной комнаты мои тапки, в середине приходил лизнуть в нос, а в конце возвращал обувь: в моей крохотной ванной невозможно было не изгваздать во время водной процедуры всего, что находилось в помещении). Итого – три часа. Плюс около часа на удаление припухлостей и покраснений вокруг глаз. Полчаса на макияж – и одеться.

Вот тебе и семь. И если уж придется где-то ужиматься, я готова сузить временные рамки любого отрезка, кроме первого. Свои два часа отрыдаю, даже если потом самой придется раскраситься, как клоуну...

Так, кстати, оно и вышло. Сколько ни пыталась я делать примочки из крепкой заварки, из ромашкового холодного настоя, из ледяной воды и почти кипятка попеременно, – глаза мои вылезли из орбит, веки покраснели до темно-бордового оттенка и составили полную гармонию с носом.

Выбора не было. Чуть-чуть белил, много румян, парик

шестнадцатилетней давности, рыже-зеленый с проплешинами. Лыжная шапочка. И половинка из-под киндер-сюрпризовской коробочки на резинке: на нос.

– Ты что, сдвинулась? – Софья покрутила пальцем у виска. – Не ты будешь развлекать, а тебя.

Я промолчала.

– Так... Этой больше не наливать. – Она в задумчивости посмотрела в окно.

– Могу вообще дома остаться. Мне как-то... – Я знала, что козыри сейчас в моих руках и позволила себе покапризничать.

– Ну, не обижайся. Теперь я все поняла. Нос можно покрасить в любой цвет, а вот белки глаз...

– Желтки...

– М-да... – Сонька потерла пальцами лоб. – А, ладно! Ни у тебя, ни у меня нет выбора. Как будет – так будет. – Она потянулась обнять меня, но я оттолкнула ее не без злобы.

– Я час следы рыданий убирала. Не расслабляй меня.

– Это хлипаков маломощных легко расслабить. Но не тебя. Поехали!

Васька с Венькой, увидев меня, завизжали от восторга.

– Тетя Люся – клоун! Тетя Люся – клоун!

– Клоун и волшебник в одном лице. И в доказательство – вот вам подарочки. – Я сунула им заготовленные свертки, стараясь не вспоминать о том, как я перевязывала красивые

коробочки блестящей ленточкой, а Бородавчик тут же развязывал их, – и я щелкала его по носу рулоном серебристой бумаги. А он не обижался. Бородавчик вообще никогда не обижался.

– Хоть бы развернули для приличия, – качая головой, пристыдила отпрысков Софья. – Поражаюсь! Чтоб дети сразу не кинулись смотреть, что им подарили?! Выродки какие-то.

– Лучше потом, в самолете. Они ведь одинаковые, теть Люсь? – Дети кивнули на коробочки, тревожно взметнув брови.

– Как всегда, – успокоила их я. – Я – за справедливость, равенство и братство. Вы ж меня знаете.

– Тебе выходить, подруга. Имей в виду, горшок, в котором земля и ничего больше, тоже надо поливать. Я кое-что ткнула. Может, взойдет. А желтый цветок – раз в два дня, не чаще. Он не любит сырости. Пока!

Она выпихнула меня почти пинком, и я восприняла этот жест с благодарной нежностью, как если бы в любой другой день она обняла меня и трижды, по-русски, расцеловала.

Холодильник Бурковых и впрямь был полон. Клоун будет счастлив. Сыр с огромными дырками. Сардельки копченые. Сосиски в свиной коже... К горлу подкатила горячая волна, с которой я едва справилась. Это были наши с Борькой любимые сосиски. Мы их ели обычно так: нутро он, а шкурку – я. Не потому что я такая альтруистка, а потому что я люблю

шкурку, а Бородавчик – нуто. А еше он страшно любит... любил...

Звонок в дверь привел меня в чувство. Или лишил чувств?

На пороге стоял Клоун. Вернее, какая-то пародия на него. Я даже сначала подумала, что кто-то подшутил надо мной и поставил перед дверью огромное зеркало размером в дверной проем. Нет, одежда на нем была настоящая: чистенький яркий клоунский костюм, шутовской колпак с колокольчиками, узкие ботинки с длинными носами. Но лицо... Не знаю, кто его гримировал, но явно не профессионал: глаза оставались печальными, уголки губ были опущены и составляли с нарисованными угол в сто градусов.

Увидев меня, он оторопел. Возможно, по той же причине.

– Не понял... Здесь что – Вальпургиева ночь?

– Вальпургиева жизнь. – Я посторонила, впуская его в квартиру, но он не шелохнулся. – Собрали всех клоунов мира и будут выбирать короля. У вас есть шанс.

– Рядом с вами у меня шансов нет.

– Очень великодушно... Говорить женщине такое только потому, что на ней шутовской наряд.

– Но я сказал это Клоуну, и не виноват, что этот клоун – женского пола. Вы, очевидно, Софья?

– Очень смешно. «Играл, но не угадал ни одной буквы».

Не делайте из меня дуру. Я и так уже...

– Подождите... Может, я ошибся адресом? – Он достал

из кармана клочок бумаги и ткнул его мне: софьиным почерком было написано «Цветочный переулок, 5». И номер квартиры верный.

– Прежде всего – не стойте в дверях. Дует сильно. – Я почти за шкуру втащила его в комнату и силком усадила на диван. Он растерянно осматривался, ни на чем – от волнения, наверное – не останавливая взгляда. А у Софьи было на что посмотреть. Не квартира, а кунсткамера какая-то. В отличие от моей – с голыми стенами, без единой финтифлюшки, которая может мертвой хваткой прилепить человека к жизни. Нет, в самом деле, я убеждена, что из благополучия страшней умирать. Это – как если окружить себя сотней маленьких бородавчиков. Как их потом, в случае чего, оставишь? Кому они, кроме меня с моими теплом и заботой, нужны будут? – Посидите здесь. Остыньте. Придите в себя. А я вам – хотите? – кофе сварю.

– А... покрепче можно?

– Начинается... Какое счастье, что вы – не Дед Мороз. Хоть и начинаете рабочий день с рюмки, но он у вас где начался, там и закончится, верно? У вас больше нет вызовов на сегодня?

Он покачал головой.

– А будь вы Дедом Морозом с сотней адресов в кармане... – Я вздохнула. – Ну, пьяница вы горький, чего налить: водки, коньяку, виски?

– Кофе мне. Кофе покрепче можно?

– Ой, простите... – Я прыснула. – Это я со злости, наверное.

– Я вас чем-то обидел? – Он искренне удивился.

– Не обидели, а душой выставили, – прокричала я уже из кухни. – Я ведь знаю о вас лет уже пятнадцать, если не двадцать. Познакомились вы с Софьей в садике, попали в один класс, а когда переехали в новый дом, оказались соседями по площадке. Дальше жизнь вас, конечно, разбросала...

– Можете не кричать, я уже здесь. Сяду у окошка.

– Ну и что вы теперь скажете? – Не без страха спросила я, а сама подумала: вот он меня сейчас и разоблачит.

– Один-ноль в вашу пользу. Вы меня прижали. Я выложу свои карты, а потом вы – свои. Потому что и вы – не Софья, иначе тотчас отреагировали бы на то, что я – не Андрей. О'кей?

Я смутилась. Молча разлила кофе по чашкам.

– Вам с сахаром?

– Полторы ложечки, если можно.

– И я всегда кладу себе полторы. Но только в первую, утреннюю чашечку. А остальные пять-восемь пью уже без сахара.

– О! Тоже кофейная душа! Это приятно. – Он взял обе чашки, я – оба блюда и вазочку с печеньем, – и мы перешли в комнату.

– Итак, господа присяжные заседатели, каюсь: я не Андрей. Но и эта дама – не Софья. Если это – преступление,

судите нас, а если – недоразумение или неумышленная комедия ошибок, – отпустите с миром.

Он сел.

– Я-то не Софья по серьезной причине: Софья сейчас летит в Хорватию. Вместе с близнецами, развлекать которых вы были приглашены сегодня вечером.

– Сегодня вечером я приглашен к послу... Брунея, на званый ужин. Да Андрей умолил... Знать бы, что такая наклад-ка выйдет... – Он отхлебнул кофе. – Отличная работа!

– Что-о? – не поняла я.

– «Что-о?» – передразнил он меня. – Кофе, говорю, сварен мастерски. И что же, не могла эта ваша... Софья заранее предупредить Андрея?

– Кофе как кофе, – пожала плечами я, допивая последние капли. – Она хотела дать ему подзаработать. А он, я вижу, в этом совсем не нуждается.

– Еще как нуждается. Но обстоятельства... А подводить подружку ему не хотелось. Вот он и попросил меня. Странно только, что он не предупредил ее.

– Может, он и звонил, пока Сонька ездила за мной. Впрочем, теперь это не так важно. – Я встала. Клоун тоже поднялся.

– Хотите успеть на званый ужин? – с одновременными чувством облегчения и какой-то неизбежной тоски спросила я и отправилась за деньгами к буфету.

– Нет. Просто вы вскочили...

– Я поднялась, чтобы принести еды. Софья оставила забитый холодильник. Для нас с вами. В нем просвета для... мандаринчика крохотного или йогурта нет. Юбилей как-никак намечался. А тут эта поездка... Надо съесть... Думала, вы мне поможете. Но у посла...

– Брунея...

– У посла Брунея, конечно, – я понимаю – будут более изысканные блюда. Или суперэкзотика. Тараканы с грибами на вертеле или... прямая кишка крокодила, фаршированная маринованными малярийными комарами...

– А у вас что на горячее?

– Так вы остаетесь?

– Думаю. Если выбирать между послом и вами, то посол малость посимпатичнее будет. А если сравнивать блюда... – Он зарыл улыбку в бороду точно так же, как это делал мой бедный Бородавчик. – От малярийных комаров у меня обычно изжога, да и прямая кишка крокодила не идет ни в какое сравнение с... что там у вас?

– Аппендикс варана, нашпигованный языками... клоунов.

– О, какие изыски.

– Ну, а если серьезно, – я чувствовала, что настроение мое неудержимо ползет вверх, и едва это скрывала. – У меня... у Софьи то есть – все куда проще. Колбасы, сыры, селедка под шубой, оливье, салат по-гречески, утка жареная...

Глаза его полезли на лоб.

– Нет, правда! Есть еще блины с икрой и осетриной.

– К черту посла со всей его свитой... Несите блины с икрой!

– Раскатал губу! – я хмыкнула. – Указание было: после представления – накормить. После представления, понятно?

– Так, где у меня адреса посольств? – Он начал нарочито долго рыться в карманах, которых было на его костюме множество, – но доставал оттуда то какие-то буквы разноцветные, то блестящие шарики. А из одного кармана был извлечен даже... живой хомячок.

Я захлопала в ладоши.

– Bravo! Хотя... для профессионала вы несколько неуклюжи.

– Возможно. До сегодняшнего дня я никогда не пробовал этим заниматься.

– Как? Я считала, что Андрей – ваш коллега. Может, и посол Брунея – не шутка? Вы что – дипломат?

– Во всяком случае – не клоун.

– Зачем же вы согласились? Ведь дети тонко чувствуют фальшь. Особенно Васька с Венькой. Они бы вас в первую же секунду разоблачили.

– Как будто у меня была цель кого-то обмануть! Андрей сказал: придешь, вручишь подарки, раскрутишь мамашу на всякие трюки, стишки и песенки, – и отчаливай.

– Не хило за такую халтуру полтыщи получить!

– Четыреста. Мне эта цифра была названа.

– Софья еще сто набавила. Говорит – за моральный ущерб от невольного обмана. Но – не за просто так. За работу. – Я почувствовала, что мой голос отдает металлическим холодом, на что он молниеносно среагировал.

– Вот и оставьте их себе. Развлеките себя самостоятельно, а я поспешу в посольство.

– Так там же не подадут салат по-гречески?!

– А я как раз салат по-гречески терпеть не могу!

Что? Какой-то самозванец и халявщик будет тут капризничать?

– Ну и валите отсюда! – Я разозлилась не на шутку. – Жрите своих ящериц, запивайте их верблюжьей мочой... Вон отсюда!

Не знаю, что на меня нашло. Может, родинка над верхней бровью – точно такая же, как у Бородавчика. И тоже – слева... Я схватила его за шиворот, изрядно приподнявшись на цыпочках, и потащила к двери. А когда вытолкнула, швырнула вслед деньги и красный мешок, с которым он явился. Захлопнула дверь, сползла на корточки – и заревела.

В дверь позвонили.

– Пошел вон! – заорала я. После паузы вновь раздался звонок, уже более настойчивый.

– Ну что вы все от меня хотите? – я распахнула дверь. – Чего вам еще?

– Подарки... – Он был так растерян, что мне стало жалко его.

– Какие еще подарки? Сто пятьдесят евро вам мало?

– Вот – детям. – Он протянул мне мешок. И деньги.

– Подарки давайте. А деньги оставьте себе. И убирайтесь отсюда. А я тут... – Я глотнула воздуха, чтобы не зарыдать, но, видно, было уже поздно. Слезы хлынули из глаз, рыдания вырвались из груди – и это были, наконец, те самые, целительные, настоящие бабьи слезы, которые облегчают душу окончательно.

– Теперь поняли, почему на мне клоунский грим? – зло крикнула я. – А у вас маска – для прикрытия лицемерного равнодушия и жесто...

Он не дал мне договорить, обнял железным обручем и прижал к себе.

– Плачьте. Я вижу, с вами что-то серьезное случилось, а я тут... Глупо вышло... Простите.

Прошла целая вечность, а я все еще рыдала – и скоро красное на его костюме стало бордовым, голубое – синим, а оранжевое – коричневым.

– Ну вот, загадили мне костюм. К послу меня теперь точно не пустят... – Улыбаясь, он гладил меня по волосам. Затем осторожно снял с меня шапочку и парик.

– И вы меня простите. У меня сегодня... Бородавчик... пес мой любимый умер. – Я всхлипнула, но тут он больно сжал мне плечо, и это помогло мне взять себя в руки. Все как-то... в один день... И Софья уехала. И вы какой-то...

не настоящий. И родинка над бровью... – точно там же, где была у Бородавчика. И даже движения у вас такие же быстрые и резкие, как у него, когда его блоха кусала.

Клоун засмеялся.

– Простите, я не в себе. Могу всякого наговорить...

– Я не против. Главное, чтобы у вас слезы поскорее высохли. Вот вам платочек. – Он достал из кармана и протянул мне носовой платок, а за ним потянулись связанные уголками голубой, желтый, зеленый, фиолетовый в сиреневый горошек и снова белый... На его лице появилось растерянное выражение.

Сквозь слезы, я рассмеялась.

– На полчаса вам этого хватит? – обрадовался он.

– Надеюсь. – Я улыбнулась ему.

– А вы хорошенькая, – с обидным удивлением произнес он.

– Особенно сейчас. С опухшими веками, красным носом и крохотными свиными глазками. Ну спасибо. Или это – начало вашего представления? Что ж, первая реприза вам удалась. Bravo!

Он поклонился, прижав руку к сердцу, и колокольчик и на его колпаке заливисто зазвенели.

– Хотите есть?

– Умираю с голоду. Но мой принцип: сначала работа, а удовольствия – потом. А вот выпить бы не отказался. Водочки граммов пятьдесят. А вы?

– Составлю компанию. Заодно Бородавчика помянем. – Я достала бутылку водки, рюмки и поставила перед ним. – Наливайте!

Он молча налил. Мы выпили, не чокаясь и в полном молчании. Он вопросительно взглянул на меня.

– Наливайте по второй, – разрешила я. Кстати, есть еще шампанское. Вино хорошее. Джин с тоником. Пьете?

– Все пью.

– И потом... куролесите?

– А как же без этого? Но... без кровопролития и мордобоя.

– И без... рук?

– Не знаю, огорчит вас это или нет, но женщин я не насирую. А что касается спиртного... Стараюсь не смешивать. Водку – значит, водку. Или одно пиво. Иначе двое суток потом оклематься не могу. Проверено не раз...

Я уселась с ногами на диван и накрыла ноги пледом. Он плюхнулся в кресло.

– Итак... Вы – не клоун. И не Андрей. И Соню не знаете.

Он с улыбкой покачал головой. Это была такая улыбка, что у меня больно защипало под правой лопаткой.

– Увы...

– Ну так, может, пора познакомиться?

– Илья. – Он стремительно встал и поклонился. Поднялась и я.

– Лу. Астрид Лу. – И тоже поклонилась. А затем протя-

нула ему руку. Его рукопожатие было таким робким и кратким, что я поняла: у меня есть шанс...

– Какая странная фамилия...

– Это имя. У меня два имени: Астрид и Лу. А фамилия Луцке.

– Это вы могли бы работать в цирке: имя вполне звучное.

– Мама настояла на Аське, – а звала меня всегда только Астрид, а папа захотел, чтобы я была Людмилой, а звал меня Лу. А все друзья всегда называли Люськой. Или Лушкой. И в шестнадцать лет я записала в паспорте Астрид Лу. А вы, конечно, Пьявкин. Или Подхвостецкий?

– Еще смешнее. – Он сел. – Олень. – Улыбнулся – и опять что-то зануло у меня чуть ниже правой лопатки.

– Иль-ля Оль-лень... Так много «эль», что хочется обнять вас и защитить от невзгод.

– Валяйте. Защищайте. Главная моя невзгода сейчас – голод. Но вы заставляете меня прежде отработать кусок хлеба... – Он со вздохом встал и начал растерянно доставать из карманов свои пестрые финтифлюшки, не зная, разумеется, что с ними делать.

– Ваша взяла. Пойдемте поможете нести яства. – Я отправилась в кухню, по обыкновению бормоча: «И шестирукий Серафим на перепутье мне явился...»

– Что-что? Шести...

– ...рукий. Отец так всегда говорил, когда помощь требовалась. Как мне сейчас. Там столько блюд. Плюс та-

релки-вилки-рюмки-бокалы, вино, напитки, салфетки, скатерть. Будем праздновать день рождения близнецов! – Я поймала себя на том, что невольно жду и даже стараюсь добиться его улыбки – той самой, смущенно-сияющей, от которой у меня... Так. Все! Хватит. Пора наступать своей песне на горло – иначе она наступит на горло мне... Опыт, слава богу, имеется.

Ели мы отчего-то в полном молчании. И пили молча, и чокались молча. И я не знала, радоваться этому или наоборот... И свеча, которую я зажгла, погасив верхний свет, не облегчила, а наоборот как-то усугубила ситуацию, добавив в нее искру ненужной двусмысленности.

Неожиданно Илья заговорил.

– Странная вещь... Отчего-то мне кажется, что вы больше похожи на Эмилию, чем... сама Эмилия...

Я поперхнулась. Он кинулся стучать мне по спине, но я грубо отшвырнула его.

– С ума сошли? Не колотить надо, а сжать с боков движением вверх! Все. Уже прошло...

– Вот, запейте, – он протянул мне бокал колы. – Это... из-за меня?

– При чем тут вы?

– Из-за Эмилии?

– Кто такая?

– Эмилия Спесивцева. Ой... Я не должен был... фамилию...

– Это не фамилия, а псевдоним.

– А вы откуда знаете, о ком я говорю? – Он строго посмотрел на меня, и я – как ученица перед учителем – пролепетала:

– Просто я так думаю... Для фамилии это слишком вычурно. Фифа какая-нибудь накрахмаленная? Старая дева? – Я попыталась вывернуться, но не уверена, что это было достаточно убедительно.

– С чего вы взяли? Молодая дама, милая, с шармом – и вполне сексапильная. Я с ней по объявлению познакомилась. Этим летом.

– И даже встречались? – Мне едва удалось скрыть изумление.

– Говорю же вам – нормальная страстная молодая женщина. А что тут удивительного?

– Псевдоним слишком вычурный. До тошноты... – Тут я действительно впервые поняла, что псевдоним дурацкий. А мне казалось...

– Это не псевдоним, а имя. Хотя она могла бы позволить себе и псевдоним.

– Актриса?

– Писательница.

– М-да? И как пишет?

– Классно! Некоторые стихи так и просятся лечь на музыку.

– Групповуха?

– И в том, как вы это сказали есть нечто... из того, первого

письма.

– А, так вы с ней еще и переписываетесь? – Мне стало нехорошо.

– Нет. Только вначале. Она дала объявление в газету с номером абонементного ящика. И имя. Для Эмилиии. Я написал. Что-то было в этом объявлении... Зацепило меня. Хотя я в эти дела не верю... не верил – и никогда не читал странички знакомств и уж, разумеется, не писал туда. Да и газета – не моя. Я желтую прессу... – Он взглянул на меня. – Надеюсь, что и вы?

– И я. Хотя то, что вы мне сейчас рассказываете – та же желтая пресса. Дама с именем и фамилией дала объявление, и первый же ответивший уже рассказывает всему миру, какая она страстная, раскованная и сексапильная.

– А вы, оказывается, феминистка! И праведница?

– Какие глупости! – Я едва взяла себя в руки. – Плесните мне, пожалуйста, еще коньячку!

– Уж и себе заодно. Можно?

– Вы же не смешиваете?

– Ну, такой день... За него можно и двумя плохими заплатить. – Он снова улыбнулся той улыбкой, но на сей раз ничего, кроме боли, я не почувствовала.

– За Эмилию? – спросила я.

– За вас!

– Ну, как хотите. А я выпью за ту дурочку Эмилию, что поддалась глупым чувствам и послала объявление в газету,

которую читают болтуны и распутники. – Я подняла рюмку и чокнулась с небесами. – Надеюсь, она вовремя вычислила вас и не влюбилась?!

– За нее я не могу отвечать, а я – точно. Попался в сети...

– Красотка? Высокая, кареглазая, с вьющимися черными волосами?

– Точно. Так вы с ней знакомы?

– Нет. Просто перечислила качества, противоположные моим. Чтобы определить ваш вкус.

– Если так, – попали в точку. Но в даму с таким набором качеств я влюбился не благодаря, а вопреки. Скорее, нутро меня покорило. Женщина с темными волосами – то же самое, что мужчина – с белыми. На первом месте для меня – рыжеволосые, затем идут блондинки. И уж на худой конец... Но на первом – ры-жи-е! – Он улыбнулся, но я быстро перевела взгляд на свечу и успела защититься от очередного укола шпаги.

– Слушайте, а вы – хват! Нигде своего не упустите?!

Он промолчал.

– Так. Надоели вы мне со своими эмилиями. Приступайте к работе. Зарабатывайте денежки!

– Приказывайте. С фокусами у меня – туго. Но спеть под гитару или... стихи прочесть... Это сколько угодно.

– Гитары нет. Отдала в мастерскую. А стихи... Что ж, пусть будут стихи. Только – хорошие. И не про собак. Не «Собаке Качалова» и не «У попа была собака...» Это, ду-

маю, понятно?

Илья вздохнул и начал читать. Волосы у меня на голове зашевелились так, словно из-под них врассыпную кинулись сотни мелких мышат...

– «Все наши несчастья – всего лишь предвестья благие.
Все приобретенья – кассандры грядущих утрат.
Изменится все...

– ...я пророчу, мои дорогие,
Голодный наестся, в шелка обрядятся нагие,
Ждет праведных нимб из червей и полынь на могиле,
А грешников ждет наказанье...

– ...веселенький ад». Вам знакомы эти стихи? – Он был потрясен, но вовсе не смущен.

– У меня хорошая память на все, что я когда-либо писала.

– Только не говорите, что это написали вы.

– Хорошо, не буду.

– Значит, правда... Эти стихи – ваши.

– Наши...

Илья недоверчиво и изучающе смотрел на меня с полуулыбкой человека, который знает, что сейчас признаются во лжи, обернут все в шутку, и всем своим видом показывал, что он заранее прощает розыгрыш и даже рад поучаствовать в нем в качестве разыгрываемого лоха, – но я не оправдала его ожиданий.

– Я написала их четыре года назад. К случаю. И не помню, чтобы разрешала кому-нибудь выдавать их за свои... Разве

что Веньке. Он любил на мальшическом междусобойчике блеснуть строфой...

– Братец?

– Не поняла?..

– Венька – это ваш брат? Сына, который ходит на между-собойчики у вас не может быть, верно?

– Мне двадцать восемь. Если бы в шестнадцать лет родила... Или в пятнадцать...

– Муж? – Он как-то весь напрягся.

– А что? Уж не собрались ли вы сделать мне предложение?

Если да – напрасно потеряете время: я дала клятву верности Бородавчику. – Произнесла я это вслух, а про себя ругнулась: «Ну зачем я цепляюсь к нему? Только порчу все...» – Допустим, муж. Бывший.

– И у Эмилиии бывшего мужа Вениамином звали. – Он в упор смотрел на меня.

– Ага... Значит, она и это присвоила. Еще что? Телефон? Адрес? Я должна знать: мне же в суд на нее подавать придется...

– Вы серьезно? – Он переменялся в лице. Это выглядело довольно забавно, потому что уголки его рта и так были опущены, а глаза, смешно и озорно подведенные, такими же и остались.

– Да нет, конечно. Я же – нормальный человек. За свое авторство в мелочах бороться не буду. Ведь стихи – это мелочь: пять минут сосредоточенной связи с небом – и готово!

Что судиться из-за десятка-другого стихов тому, кто за день-другой может написать пучок подобных. За воду сражаются, когда источник иссякает.

– «Питер Брейгель был прав: мы по жизни бредем, как слепые...» – начал он.

– «Слыша где-то вдали птицы райской призывную трель...» – продолжила я.

– Значит, все-таки верно... – Он был уж слишком удручен. Мне захотелось утешить его.

– Бросьте. Знаете что, Илья? Я – дарю ей эти стихи.

– Как... дарите? – Он опешил.

– Вот сейчас, при свидетеле Илье, вернее, при двух свидетелях: Илье и Олене, – заявляю официально, что отрекаюсь от всех присвоенных ответчицей Эмилией... Спесивцевой стихов – в ее пользу.

– Вы шутите?

– Да. У меня сегодня как раз подходящее настроение для шуток. – Я едва подавила рыдание. – Знаете что, молодой человек. Не знаю, любили вы когда-нибудь по-настоящему или нет, но если даже да – прислушайтесь к голосу человека, который перестрадал с мое: если бы у меня была малейшая надежда вернуть Бородавчика, раздаривая до конца жизни все написанное всем желающим, заметьте, раздаривая, а не продавая, – я корпела бы над письменным столом дни и ночи напролет, до рези в глазах и спазмов в желудке... – И снова мне удалось подавить рыдание. – Но небесам такая взятка

не нужна. Им нужен Бородавчик. И им нужен мой Бородавчик...

Сил на третий приступ не хватило – и я зарыдала, безутешно, по-вдовьи, – и никак потом не могла успокоиться. Илья беспомощно смотрел на меня. Потом побежал за водой.

– Водки! – прохрипела я. – Она в дверце холодильника. И шампанского. Ерша хочу! И колбасы какой-нибудь. Или огурцов соленых. Там, в синей миске со стеклянной крышечкой. И хлеба! – Пока он приносил требуемое, я постаралась взять себя в руки.

– За вас! – Он выпил свою водку, не дожидаясь меня. И протянул мне кусок хлеба с колбасой и половинкой огурца.

– За Бородавчика! – Я выпила водку, закусила бутербродом. – А это, – я подняла фужер с шампанским, – за вас! И за вашу Эмилию. Пусть все у вас будет хорошо. Вы оба – уверена! – этого заслуживаете. – Я выпила. – Не сомневаюсь, что она – отличная баба! Не могли вы, Илья, выбрать другую. Просто для чего-то ей понадобилось чужое. И она взяла его. И я рада, что это – именно мое чужое. Потому что я дарю ей его. Теперь оно – ее. Хочет, пусть берет. Пусть все всё берут. Потому что без Бородавчика мне ничего в жизни не дорого. Нужна квартира? Приходите живите. Нужны деньги? Сообщаю адрес: Петровского девять, квартира семь. Сервант, верхняя полка, кобальтовая вазочка...

– ... в форме сидящего медвежонка?

Слезы мгновенно высохли на моем лице. И здесь я опоздала... Нет, ребята, это уж слишком...

– Ага... Уже были? Уже брали?

– Может, это – совпадение? – Он, кажется, был убит.

– Погодите, погодите... Ничего не понимаю. А куда же делся тогда Бородавчик?

– Не знаю... Мы были там полчаса. И потом – еще дважды. Я не видел собаки...

– Часов в семь вечера, так? Начинаю соображать кое-что... В это время я выгуливаю Борьку. Полчаса – дойти до моря, полчаса там побегать, и – назад. Пока Сонька... М-да...

Следующий вопрос дался мне трудно.

– И что, вы там... кувыркались? На моей постели?

– Но кто же мог знать...

– Да при чем тут вы, Илюша? – Я задержала дыхание, чтобы сдержать вопль тоски, скорби, разочарования... Словно утопающий, которому бросили с вертолета спасательный круг, а он, счастливый, ухватился за него – и вдруг понял, что тот – из сахара. – Вы тут, ясное дело, ни при чем... – Я застонала.

Он кивнул на бутылку, но я отрицательно показала головой.

– Говорите, высокая, черноволосяя, тоненькая?

Он кивнул, не поднимая глаз.

– И шрамик на подбородке? Крошечный, двойной? Смешной такой?

Он снова не ответил.

– Софья... Но зачем? Она без памяти влюблена в своего Вадима. И дети всегда при ней... Как она умудрилась?

– Но зачем же она объявление дала, если замужем – и мужа любит?

– В объявлении о брачных намерениях – ни слова, так ведь? «Для редких встреч, прогулок у моря, поездок по грибы и на рыбалку, игры в покер...

– ... и настольный теннис... Так это – вы?

– Естественно. Это я – одинокая, а Софья замужем. Именно ее близнецов вы должны были сегодня развлекать. Вот это была бы встреча...

– Подождите, Лу. Давайте разберемся. Вы – Астрид Лу. Людмила. Люся. Но никак не Эмилия. А в объявлении...

– Ну и что? Ведь и она – не Эмилия. Я хоть девичью фамилию своей матери использовала. Спесивцева. Да и... не хочу я ничего объяснять! Эмилию выдумала для конспирации. И телефон поэтому не дала. Только абонементный ащик. Своего у меня нет, вот и попросила Софью... Лучшую подругу... Пару-тройку раз она передавала мне письма. Все – какие-то сопляки или двинутые. Я даже встречаться с ними не пошла...

– Просто сериал какой-то получается. Бразильский или аргентинский...

– Да, сериал... – А сама подумала: скольких же ты, подружка моя верная, до меня не допустила? Отборные, небось... Ни себе, ни людям... Ну, голубушка, отдыхай получше, набирайся сил. Они тебе пригодятся по возвращении. Это я тебе обещаю...

– Давайте, Люсенька, выпьем?! – Он улыбнулся той самой улыбкой, – и я вспомнила: однажды, в поезде, мимо нашего купе прошла девочка – и улыбнулась. И что-то такое было в этой улыбке, что все купе осветилось, и все заулыбались, и тихое тепло и блаженство наполнило душу... По-моему, не одной мне. Я эту девочку часто вспоминаю. Что с ней? Где она? Кого согревает и освещает? А если ее уже забрали, кому в наследство досталась эта улыбка?

– Выпьем, говорите? А, давайте! И поужинаем снова. С разговорами. С тостами.

– ... с брудершафтами...

– Почему бы и нет?

Илья занялся приготовлением холодного стола, а я разогрела жаркое, жюльены с грибами и кальмарами, вытащила из бара дорогие коллекционные вина и коньяки... Ну, я тебе покажу! Ты у меня долго помнить будешь эту поездку, верная моя и заботливая...

– За вас! – Я улыбнулась ему. Не потому что мне было радостно, а чтобы снова увидеть ту его улыбку. И увидела!

– За вас...

Мы чокнулись.

– А давайте...

– Давайте...

Мы скрестили наши руки – и выпили. И поцеловались. И еще... И снова выпили. Только каждый – из бокала другого. И снова поцеловались. А потом пили по очереди сначала – из его бокала, а потом – из моего. Я швырнула свой в раковину и протянула руку к его бокалу, но Илья опередил меня, наклонился, положил бокал на пол – и раздавил его ногой.

– Вы знаете, что это означает? – засмеялась я.

– Конечно, серьезно ответил он. – Теперь нет меня отдельно от вас, и нет вас отдельно от меня. Есть мы... – Он обнял меня.

– Не помню, от кого я сегодня слышала, что он не куролесит, когда выпьет?

Илья улыбнулся, и родинка над левой бровью шевельнулась точно как у Бородавчика, когда я ласкала его.

«А может...»

Илья закрыл мне рот поцелуем.

– Это я, – сказал он. – Я вернулся.

Волшебная палочка

Он ждал этого десять лет. Десять лет и шестнадцать дней. Представлял себе – в лицах, в деталях – как они войдут, как заставят его подняться, как будут прятать глаза, словно стыдясь того, что именно им выпало сообщить ему эту черную весть. Последнюю в его жизни. Поэтому, а еще – чтобы он не заметил в глубине этих сочувствующих глаз искру откровенной радости от того, что иногда, пусть редко, но все же в этом мире торжествует справедливость.

Он был готов к этому все десять лет. Он научился управлять мышцами своего лица, ему хотелось, чтобы ни один мускул не дрогнул, когда ему сообщат *это*. Много раз в его воображении представала одна и та же картина: он просыпается от зловещего грохота и лязга открываемой среди ночи двери; они молча входят, молча становятся полукругом и повелительным жестом один из них заставляет его встать. Затем суровым голосом оглашает решение верховного судьи, отклонившего последнюю апелляцию, а он хохочет им в лицо и просит принести тарелку наваристых щей, пахнущих детством, домом и матерью, а еще – бутылку водки и пачку папирос. Не сигарет, а именно папирос, которые курил отец, а за ним и все те нетрезвые однодневки, которых его вынуждали называть ненавистным ему словом «папа».

В реальности все прошло так, словно игралась пьеса, ав-

тором которой был он. Актеры действовали безукоризненно, только голос главного героя беспомощно дрогнул в самом неподходящем месте.

– Вам нужен священник?

– Пусть придет. – (Вот тут-то голос-предатель и дрогнул).

Они оставили его, и в тот же миг дверь распахнулась снова.

– Ты звал меня, сын мой?

– Вас неверно информировали, – холодно произнес он, считая, что уже справился с чувствами. Но рыдания вдруг самовольно вырвались из его сердца, и он с воплем упал в ноги святого отца.

– Почему сегодня? Ответьте мне, вы, представитель Всевышнего на земле! Дайте мне еще один месяц! Неделю! Хотя бы день!

– Зачем тебе день, сын мой? Он пролетит, как предыдущие, и завтрашнее утро наступит так же неотвратимо, как и сегодняшнее. День нужен тому, кто мечтает спастись – и имеет шанс!

– Что это значит? Спасти – смертнику? Тому, кто слышал окончательный приговор и знает день и час предстоящей казни? Вы отвечаете за свои слова?!

– Наша судьба вершится на небесах! Не в канцелярии Верховного судьи, не в камере осужденного на смерть, не в наших сердцах – на небесах! Но ты исчерпал терпение Всевышнего. Ты погубил столько невинных душ, что у тебя

шанса нет. Почти...

– Почти? Значит – все же есть? Пусть один на миллион, пусть – на миллиард, но – есть? Дай мне его использовать! Дай мне сутки, святой отец, и укажи путь. Не отрекайся от меня, ведь и Спаситель наш простил все наши грехи. Простил – и взял на себя...

– Как знаешь. Но мы оба понимаем, что это – просто уловка. Попытка отсрочить час казни. Ты боишься попасть в ад, хотя там будет куда приятней, чем было тебе тут в эти последние десять лет.

– О каком шансе ты говорил?

– О добром деле, которое ты совершил однажды бескорыстно, поддавшись редкому гостю в твоём сердце – жалости.

– Этого не может быть! Я никогда никого не жалел, но ведь и меня никогда... никто...

– Я дам тебе выйти отсюда. Ты должен за сутки найти хоть кого-то, кто вспомнит тебя добрым словом. Хоть одного человека. А если не сумеешь – позвони мне, и я укажу тебе последний адрес.

Думаю, не стоит говорить тебе, что бежать бессмысленно. Некуда и незачем. Не трать время – ищи свой шанс! С Богом! Священник перекрестил его и вышел.

Солнце ослепило его, слезы иллюзорной воли, призрач-

ной надежды и реальной, осязаемой веры во всемогущество Главного Судьи Вселенной хлынули из его глаз, на миг лишив зрения. Он машинально сунул руку в карман куртки, и неожиданно для себя обнаружил там две пачки сигарет, носовой платок – и деньги. Их было столько, что можно было не считать. Но, конечно, меньше, чем стоил бы самый дешевый билет на самолет, даже имея он при себе паспорт.

...Он все же заставил себя совершить ритуальный «круг». Бывшая жена в испуге захлопнула перед ним дверь. Бывший лучший друг едва не спустил на него собак. Сын замахнулся на него топором.

Он пошел прочь. Да и чем они могли ему помочь? И за что? Вряд ли хоть когда-нибудь хоть одному из них он сделал доброе дело.

Но как же его шанс? Тот шанс, о котором говорил святой отец...

В растерянности он сел на скамейку и сжал виски ладонями. И тут раздался странный звук, словно заиграли церковные колокола, тоненький колокольчик вторил глухим ударам мощного колокола. Он вздрогнул. Звон продолжался. Звенело в его нагрудном кармане. Он растерянно сунул туда руку и обнаружил мобильный телефон.

– И тут поп не наврал! – Он удивленно покачал головой и нажал на кнопку.

– Думаю, я вовремя, – спокойно произнес священник. – В больнице, той, что на востоке города, лежит некто С. Он

в коме. Много лет назад ты подарил ему что-то очень важное, теперь оно ему больше не нужно, а тебя может спасти. Если вспомнишь – иди и возьми в его сумке. Но сначала вспомни!

Смертник кинулся к такси и назвал водителю координаты больницы. Он и сам там когда-то лежал, хоть и было это в той, другой его жизни.

– Я – подарил? Много лет назад?

Ехать предстояло около получаса, но для него время пролетело как миг. Перед глазами мелькали даже не воспоминания, а так, суета... Цветы красивым женщинам, конфеты, бутылки с красивыми наклейками. Но – не об этом же речь! Он – обычный. Не волшебник, не чародей, не маг, который дарит чудо. Просто человек. Плохой, недобрый. Чаше отнимавший, чем даривший. Но ведь и в его жизни никогда не было волшебников и магов. Чего же ждать от него?

Хотя однажды... Давно, в той, прошлой еще жизни... Знакомый актер заболел перед Рождеством и упросил его посетить один богатый дом в качестве Санта-Клауса: не хотел терять клиента. Ради такого случая пообещал хорошо заплатить. Дал костюм, волшебную палочку, мешок с подарками.

– На них будет написано имя ребенка и его костюм, ты их не перепутаешь.

Он согласился, хотя потом сто раз ругал себя за это: какой из него артист? Но деньги были нужны позарез.

...Все прошло легко и без проблем. Он поздравил детей и взрослых, вручил каждому ребенку именно ему предназна-

ченный подарок и готов был уйти. Но тут заметил, как из угла жалко и умоляюще смотрит на него мальчик без костюма, очевидно, сын кого-то из обслуги. В глазах ребенка стояли слезы. В них была такая надежда и мольба, что он остановился.

– А тебе я дарю... свой самый главный подарок: волшебную палочку! – Он вздохнул, представив, сколько придется отстегнуть за нее заработанных так легко зелененьких, но отступать было поздно. – Она исполнит любое твое желание, но не сегодня, а... сразу после Рождества.

Глаза мальчика сияли, он не верил своему счастью. Вручив «подарок» и чувствуя себя последней свиньей, «Санта-Клаус» удрал, не оглядываясь.

«Не об этой же деревяшке речь?» – подумал он, но память не предлагала ему вариантов на выбор.

В больницу он проник беспрепятственно, ноги сами понесли его в нужную палату. Один раз и спросил – у девочки в инвалидном кресле. Она ела мороженое, поднося ко рту культями рук: наклонить покореженное болезнью тело не было возможности.

– Зайдите в пятую палату, там сейчас обход врачей. Спросите у них! – весело сказала она.

Он кинулся в пятую палату, из которой как раз выходили врачи. Палата была на одного, и лежал там человек без признаков жизни: облепленный трубками, подключенный к нескольким аппаратам, мертвенно бледный.

– Вы – его знакомый? – спросила сиделка. – Мне нужно выйти на пять минут, дождетесь, не уйдете?

– Не волнуйтесь, я его не оставлю.

«Все как по нотам, странно... Не черт ли это был в сутане?»

Больному было лет тридцать, никаких ассоциаций он не вызывал.

«Где мешок?» – Смертник обшарил тумбочку, но ничего там не обнаружил. Тогда он осторожно сунул руку под подушку больного и вздрогнул: то, что он нащупал, и впрямь очень напоминало палочку. Он вытащил ее – и сердце его гулко застучало. Конечно, она была уже старенькая, звездочки из разноцветной фольги опали, золотой и серебряный серпантин порвался, но за двадцать лет руки ее владельца отполировали ее до благородного бронзового блеска.

– Неужели он хранит ее до сих пор? Это ж – просто палочка. Товарищ рукой махнул, когда я ему рассказал, и показал мне еще десяток таких. Но этой явно пользовались.

Он сунул палочку в карман и вышел. На пороге оглянулся, вытащил палочку снова, на всякий случай махнул ею и сказал тихо: «Пусть выздоровеет. Сам-то приказать своей палочке не может!» – и пошел, почти побежал по коридору.

Дурацкая жизнь! Он мог бы жить – уходит. Или эта девочка... Как все глупо! Я здоров – но на рассвете умру. А она останется жить... вот такая... Еще улыбается! (Он вспомнил, как девочка протянула ему мороженое, не расслышав

сначала, о чем он ее просит). Проходя мимо нее, он приостановился: не намеренно, а пропуская бегущих навстречу врачей и медсестер. Девочка снова улыбнулась ему и протянула остаток мороженого.

– Ну, давай меняться, – вдруг произнес он. – Ты мне – мороженое, я тебе – волшебную палочку. Теперь все мое перейдет к тебе, а все твое – ко мне. Согласна?

Девочка засмеялась и кивнула головой.

– Это – волшебная палочка: о чем ее попросишь – она исполнит. Не веришь? Вот я махну ею, – он махнул – и прошу: «Пусть эта девочка... как тебя зовут?...»

– Соня, – прошептал ребенок.

– ... пусть Сонечка выздоровеет! Только исполнится все завтра утром, – сказал он и сунул малышке палочку. Ты ее почаще проси, хорошо?

– А мороженое? – крикнула Сонечка вдогонку, но он только махнул рукой и побежал прочь.

Утром все произошло быстро и без проволочек. Его палачи вошли, сделали ему, сонному, укол и тихо вышли. Он почувствовал вдруг, что становится невесомым и поднимается вверх, высоко-высоко, туда, где заканчивается мир материальный и начинается нечто прекрасное, возвышенное, успокаивающе мирное, а главное – вечное, но успел в своем стремительном подъеме оглянуться и увидеть сквозь толстые,

правда, теперь уже абсолютно прозрачные для него стены, бегущую по белому больничному коридору девочку, пьющего воду мужчину, у которого он украл палочку, а главное – самого себя в камере смертников: неестественно скрюченного, прижавшего к мертвой груди изуродованные культы рук, с горбом на спине и застывшей на лице улыбкой абсолютно счастливого человека, исполнившего свой долг до конца.

Правда жизни

– Ты и на собственные похороны опоздаешь, Кац!

Услышав знакомый голос, Илья виновато улыбнулся, скрыв таким образом снисходительную усмешку: прошло семь лет, а она не изменилась. Сходу кусается вместо дружелюбного помахивания хвостиком, все так же зовет его исключительно по фамилии, все так же выглядит. Нет, хуже. Ни намека на макияж. Скрыть морщинки, подчеркнуть достоинства. Глаза, например. Или губы. Он вспомнил, как умиляли его скобочка ее крошечного ротика и близко посаженные глаза с длинными нижними ресницами. И как раздражала ее страсть к пестрым шарфам и безобразным шляпкам.

«Ничего в этом мире не меняется, – подумал он. – Неужели до сих пор ни один мужчина не сказал ей, как она жалка? Впрочем, я ведь тоже лгал ей двенадцать лет. И сейчас солгу».

– Замечательно выглядишь! И шляпка тебе к лицу.

– Спасибо. Несколько недель за ней гонялась... А вот ты сдал, Кац. Как-то... сник, опустился. Прежде ты не позволил бы себе надеть несвежую рубашку, не побриться перед встречей с дамой. А уж нечищенных ботинок я не видела на тебе и в худшие наши времена.

– Не поглаженная – не значит несвежая.

– Завел бы себе гладильницу. А заодно и повара, уборщицу, психоаналитика в одном лице.

– Жениться? Не-ет, этим я сыт по горло! Ты ведь тоже не спешишь под венец?

– Как будто хоть когда-нибудь спешивший пришел к финишу раньше того, у кого времени невпроворот. Да и... вообще. Ты же знаешь: мужчинам проще. И найти, и обойтись. А если он еще и в карьере преуспел...

– Это не про нас.

– Ну, Кац, не вечно же тебе в арьергарде плестись? С твоей-то головой, опытом, хваткой...

– Вот как ты заговорила? А ведь совсем еще недавно крест на мне ставила. Во всех отношениях. «Слабак, голова дырявая, руки корявые»...

– Ну, между нами, таки чуть-чуть дырявая и слегка корявые. Но это исправимо! Только нужно пустить пыль в глаза необычностью упаковки. Либо строгой классикой.

«То-то, я смотрю, ты так скрупулезно следуешь собственным установкам», – едва не сорвалось с его языка, но он вовремя прикусил язык.

– Сама-то как?

– Будет хорошо. Личной жизни, если ты об этом, никакой. Забыла, как пахнет мужская подмышка на рассвете...

– Потом пахнет. Как и женская. Что твой бизнес? Кормит?

– Черным хлебом с то-оненьким слоем дешевого маргарина раз в день. Профнепригодна, как оказалось.

– На что же живешь?

– Так, подрабатываю по мелочам.

– В какой области?

– Неважно. Сфера обслуживания. Говорю тебе, это всего лишь подработка. Утром зарплату получила – чуть не зарыдала. Квартира, коммунальные мелочи, транспортные расходы, долги в три места – вот и остается пшик. И куча долгов.

Она достала дешевую сигарету и, щелкнув раз десять дешевой зажигалкой, прикурила. – А как ты живешь? Когда позвонил, думала, другое увижу. Представляла себе, что одет с иголки, галстук повязан опытной и любящей женской ручкой. Манжеты рубашки идеально поглажены. Мне никак не давалось вот это место, вокруг пуговичек, – она дотронулась до его руки, и он вдруг понял, что ее прикосновение перестало его волновать.

– Дети у вас есть?

– Две девочки. Соня и Аня.

– Тоже Соня и Аня? Как у нас?

– Те же Соня и Аня. Других не предвидится. Пока... Я не женат, если тебе это интересно. Был дважды – но оба брака оказались такими же неудачными, как первый.

– Про тебя не скажешь, что ты износил хотя бы один башмак, прежде чем снова жениться. Погуливал, наверное, за долго до нашего расставания, а за праведным гневом по поводу моих измен прятал чувство вины за свои.

– Думай, что хочешь... – Он посмотрел на часы.

– Восемнадцать лет... Из жизни не так просто выкинуть. Я хочу тебе сказать, что ты был и остаешься лучшим мужчиной моей жизни!

– Взаимно. – Он вынул из стаканчика салфетку с резными краями и вытер лоб. – Мы оба охотились на безрыбье...

– Так зачем ты меня позвал, Илюшенька? А то время идет, а мы все еще церемонию обнюхивания не завершили. Чего хотел-то? Денег занять? Так я бы рада, да тумбочка с твоим уходом опустела. Кстати, у Сонечки принтер сломался, а Анечка хочет пойти на курсы дизайнеров. Если захочешь помочь... изыщешь возможность, будем благодарны.

– Про занять я понял: это ты – чтобы укусить в очередной раз? Знаешь ведь, что у женщин я не занимаю.

– Мужской шовинизм в сахарной пудре джентльменства? За это я тебя, Кац, и бросила. Шовинизм – это не когда не занимают, а когда возводят это в принцип да еще и помахивают перед носом у униженного. Каким ты был, таким остался... Ладно, мне некогда. Выкладывай, чего хотел.

– Мы тут, группа сотрудников, едем в отпуск на пару недель. Все детей берут, вот и я решил... Может, отпустишь девочек со мной?

– Да я не против, но они, боюсь, не согласятся. У них купальники уже старенькие, и джинсы потерлись или малы. Я не успею их одеть, даже если б могла.

– Это не твоя забота. Раз я их везу... – Илья расплатился с официантом, встал и махнул ей рукой. – Счастливо!

– Мне еще чашечку кофе с ликером, – попросила она официанта и закинула ногу на ногу. А если бы пошла следом за ним, то увидела бы, что, прежде чем покинуть кафе, он вошел в туалет и никогда уже тот Кац – неприбранный, неухоженный, помятый – оттуда не вышел. Зато вышел красивый подтянутый джентльмен в белой шляпе, светлом летнем костюме с иголки, в новеньких туфлях в тон костюма. Если бы вошла в мужской туалет, то обнаружила бы в мусорной корзине мешок со знакомой клетчатой рубашкой, мешковатыми брюками и старыми нечищеными ботинками. А если бы мушкой укрылась в его усах, то увидела бы, что, быстро надев на безымянный палец обручальное кольцо, он подошел к стоящей за углом серебристой Ауди, в которой сидели три красотки: две совсем юные, как две капли похожие друг на друга и на него, и одна лет тридцати, – поцеловал всех по очереди и сел за руль под их одновременное «ура!», «салют, Ла-Вегас» и «дожить бы до полуночи!», заглушаемое радостными аплодисментами. А еще она увидела бы, что он достал из кармана разрешение на выезд в Штаты на ПМЖ – на всех четверых, и паспорта с готовыми визами.

– Ну как все прошло? Долго уламывал? – глядя в зеркальце и подправляя помаду после поцелуя, спросила старшая.

– О чем ты? Рада, по-моему. Ей себя бы прокормить... Прав я был, что оделся попроще: не хотел причинять ей лишней боли.

А если бы ему вдруг понадобилось вернуться, например,

за оставленной в кармане старой рубашки кредитной картой, он увидел бы, что из женского туалета вышла модная красотка средних лет, стильно одетая, на каблукчках, с аккуратным макияжем на лице и с колечком на безымянном пальце. Эта красотка изящной походкой прошла к стоящему справа от входа в кафе черному лимузину, оттуда выскочил идеальный мужчина, седоватый, в очках, прекрасно одетый, открыл перед ней дверь, усадил и сел на водительское место. Плавно нажав на газ, он поцеловал ее и спросил: «Я вижу, все отлично? Теперь куда?» – и как она ответила: «Ты же знаешь мое сегодняшнее расписание, милый: квартира, транспорт, телефон, долги. Но, прежде всего, конечно, квартира. Все-таки покупаем обе, ты не против? На Тверской и на Юго-Западе. И, конечно, офис на Новом Арбате. Потом едем выбирать тебе выходной автомобиль. У меня красная Феррари, давай тебе купим желтую? Не хочешь? Тогда еще один джип, только посветлее, к твоему бледно-зеленому костюму. Затем – в старый офис: мне прислали на выбор пять «Айфонов». Мой нынешний устарел: я его прошлым летом купила. Твоему чуть меньше, но тоже старичишка.

А напоследок займемся долгами. Шесть миллионов с процентами мне должны Стоцкие, два с половиной – Ирка Бунова и по мелочи, миллионов на шестнадцать, еще несколько человек. Сегодня первое, срок отдачи!

Вместо ответа он снова поцеловал ее.

– Мне его так жалко, по-моему, этот дурачок все еще

сохнет по мне! Он такой несчастный, никому не нужный, неухоженный. Правильно я сделала, что не выпендрилась. Где только Ирка откопала это старье... Но не добивать же человека? У него и так жизнь по швам трещит.

И в третий раз ответом был поцелуй.

– Так, главное дело сделано: девчонки пристроены. Я сама хотела его просить побыть с ними, а тут... Итак, делаем дела и – в аэропорт. Рейс в полночь, верно? В прошлый раз в Лас-Вегасе мне не повезло, но сегодня... Ведь деньги к деньгам!

Клятвопреступники

Их было пятеро. Вернее, нас было шестеро. Тех, кто год назад на этой самой кухне, клялся и божился в первый день нового года вступить в новую жизнь. Если уж евреи смогли избавиться от многолетнего египетского рабства, неужели мы – еще не старики, но ведь уже не дети – не сможем избавиться от собственных дурных привычек?

...Случай свел их у моего домофона в одну и ту же минуту, хотя Ольга шла к подъезду со стороны улицы Роз, Наталья – со стороны Солнечного бульвара, Виктор приехал на лизинговой Мазде известного цвета, Валентина перебежала из дома напротив, Игорь курил на лавочке у соседнего подъезда, тщетно пытаясь вспомнить сначала – номер моей квартиры, потом – номер моего телефона. Его счастье, что хотя бы номер дома не перепутал, иначе так и прокукарекал бы до утра...

Ну а я... я сидела у окна и с тревогой вслушивалась в пение домофонного сигнала, словно по его мажорным или минорным звукам могла опередить, с чем идут ко мне гости. Я-то втайне надеялась, что их внесут, говоря аллегорически, на боевых щитах, в то время как мечи останутся у входа в подъезд... рядом с моим. За ненадобностью. Так оно и вышло.

По их виновато-смущенным улыбочкам я с облегчением поняла: моего полку прибыло. Виктор так и не избавился от своего животика, тогда как Ольга, наоборот, так им и не обзавелась! Наталья усиленно прятала обгрызенные ногти и чудовищные признаки самострига на голове. Валентина смущалась и норвила сесть в самый темный угол, чтобы мы не заметили свежего кровоподтека на ее скуле и синяков на руках. Игорь тоже не выглядел победителем, хотя на его лице не было синяков, аккуратно подстриженные ногти сверкали чистотой, на идеальной фигуре идеально сидел идеально подобранный костюм, из кармашка пиджака торчал кипенно белый платочек, а в руках он держал три розы: белую, алую и чайную. Мне досталась чайная...

– Ну-с, начнем заседание! – сурово изрекла я на правах хозяйки, только что сытно и вкусно накормившей гостей. – Если я правильно понимаю, хвастаться вам нечем! То есть... нам. – Я недаром спохватилась: ведь тоже не исполнила данного год назад обета.

– С тебя и начнем! – с полуоборота завелась Ольга. Вот и корми их после этого ресторанными деликатесами. Надо было сухарей насушить и чтобы водой посланной их запивали!

– Я скажу, – выручил меня Виктор. – Честно признаюсь: сбросил килограмм, и то потому, что не завтракал сегодня: боялся, что на весы меня взгромоздите!

– То-то ты сейчас три порции блинчиков умял! И еще

у меня полпорции выцганил, – толкнула его кулачком в плечо Наталья.

– А потому что нет у меня в жизни других радостей. Тебя от телевизора не оторвать, Леля по заграницам разъезжает, Игорек с бутылочкой не расстается, Валентина то поссорится с милым, то помирится, что после хорошей ссоры, говорят, особенно сладко! Есть тут у нас еще компьютерные наркоманы, – он кивнул в мою сторону, – а мне что остается? Зрение у меня – сами знаете: с собственной физиономией в зеркале порой здороваюсь. Значит телевизор, компьютер, книги, газеты-журналы из моей жизни исключены. Жены у меня нет, детей тоже. Пить мне врачи запрещают, да и какой из меня питух? Не люблю я это дело. Остается самый верный и преданный друг – еда! В ней столько еще неизведанного...

– ...неизъеденного, скажи! А жизнь тем временем мимо проносится! – В голосе Натальи прозвучали прокурорские нотки, но она взяла себя в руки и спрятала за спину сурово поднятый указательный палец с обгрызенным ногтем и юркнула за спину Игоря.

– А ну-ка покажи нам свои ногти! Давай-давай, не прячь! А ведь божилась! Какой мужчина остановит на тебе свой выбор, когда вокруг столько дам с красивой прической и ухоженными ноготочками? И под юбкой, сознайся, зеленые панталоны с начесом, а не кружевное белье, к которому хочется прикоснуться мужской ладони?

Наталья машинально прижала юбку к коленям, словно боялась, что мы силой задерем ей подол и явим миру ее позор цвета апрельской травки или поросыачьего пяточка.

– Начинать новую жизнь нужно, когда у тебя есть на примете интересная особь мужского пола. Ну что толку, что пару месяцев я носила обувь от Стюарта Вейцмана и белье нежнее лебяжьего пуха? Ни одна собака, я имею в виду кобелей, не взглянула. И ногти у меня были длинными и красивыми, и прическу я сделала в дорогом салоне. А дальше-то что? Да и накладно это. Нужно, чтобы кто-то женщину обеспечивал, тогда у нее белье будет от лучших кутюрье!

– Все наоборот! Почувствуй себя женщиной, сама наслаждайся тем, во что одето твое тело, люби себя, лелей, тогда у тебя рядом непременно появится рыцарь!

– Вы послушайте, кто эту тираду произнес! Наша Валентина, у которой такой рыцарь уже появился и именно на ее физиономии отрабатывает удары для будущих турниров в честь прекрасной дамы... с фингалом! – Ольга не удержалась и захохотала!

– Зато у меня дети есть, которые и утешат, и порадуют, и душу согреют. А кто-то обещал нам родить ребеночка к концу года. И где он? Рассосался? – Валентина трянула головой, призывая остальных присоединиться к ее праведному гневу, сверкнув желтеющим синяком справа и плохо припудренным кровоподтеком слева.

– А что я могу поделать, если мне некогда стать ма-

мой? Ну, некогда, вы верите? В жизни столько наслаждений, столько приятностей и соблазнов, что я не могу отыскать окошко длиной в девять месяцев и шириной в здорового младенца. Хоть режьте меня! Обещала, божилась, каюсь!

– Наслаждения ей мешают, вы слышали? Сначала мешала учеба, потом – работа, теперь, когда она стала домохозяйкой, – соблазны китайской стеной выстроились.

А ведь ты не шлендра какая, а замужняя дама. И возраст у тебя для рождения ребенка критический! Еще пара-тройка лет – и младенца электродрелью из тебя не выкорчевать. И пилой не выкесарить! – не унималась Валентина.

– Да вы сами посмотрите: в марте мы ездили в Турцию, в июле Париж светил, после Парижа только настроилась – муж в Таиланд путевку заказал. А в январе, возможно, в Лас-Вегас поедет. – Ольга улыбнулась какой-то... не очень виноватой улыбкой.

– То есть ты в этом году от новой жизни отказываешься? Ты ребенка готова на казино променять? Это просто неслыханно!

– А я из-за тебя не хочу детей! – парировала Ольга. – Ты меня отвратила от самой идеи! Твоя затурканность, твои жалобы на их бесконечные болезни, шалости, дурные склонности, ссоры и драки. Я покой люблю. Покой и комфорт. А в промежутках – бурные развлечения в ресторанах, на круизных лайнерах, в казино! Ты и понятия не имеешь, что это такое. Ты сама выбрала свои синяки и шишки, а я – тоже са-

ма – рулетку и фишки! И не мучайте меня! За себя краснейте. Сами-то... Хотя бы на этого франта посмотрите, в смокинге и при бабочке, – она кивнула в сторону Игоря. – Первого января закодировался, а двадцать четвертого, на дне рождения у одной нашей общей знакомой – не будем называть имен – так накукарекался, что облевал ей дорогущее платье и разбил очки мужу. Я не вру, сэр?

– Вам, женщинам, да и мужчинам непьющим, никогда не понять таких как я. Стоит мне два дня подряд не приложиться, я становлюсь желчным, злобным, жадным, ревнивым, мстительным, подозрительным животным, которое мечется в поисках причины и повода. И находит. Я не знаю, как некоторым удастся бросить пить, курить, похудеть, стать новым, чистеньким и сверкающим, как январский снег. Легко дать клятву, особенно на сытый и пьяный желудок. Но как трудно ее выполнять... Ведь и ты не зря примолкла, хозяйюшка наша! Рыльце в пушку?

– В таком пушку, что косы из него плести уже можно... Пыталась поменять жизнь – и сдалась. И вообще: почему я должна быть лучше вас всех? Я старалась, запрещала себе открывать компьютерные игрушки, но в какой-то момент забывалась – и все... Не нарушать обета значительно проще, чем, нечаянно нарушив, вернуться в праведную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.